

Сюй Танчэнь посмотрел на человека, который обнимал этого большого медведя и обдумывал, куда его деть. Он, вероятно, был из тех людей, которые, будучи проданными, все равно будут помогать продавцу пересчитывать деньги и говорить, что им не хватает десяти юаней.

Сюй Танчэнь поднес ко рту еще одну ложку отвара. После долгих раздумий отвар уже немного остыл. Больной сделал еще два маленьких глотка и больше не осмеливался есть. Он убрал контейнеры с едой, затем посмотрел на спину Чэн Сюя, пока тот приводил в порядок свои вещи. Поразмыслив некоторое время, он открыл рот.

— Ты... должен держаться подальше от этого Чжэн Икуня. — Сказав это, Сюй Танчэнь почувствовал, что, возможно, он предвзято относится к незнакомцу. В конце концов, он никогда раньше не встречался с Чжэн Икунем. Все его выводы были только догадками. Поэтому он изменил свои слова: — Или, может быть, когда у меня будет время, я познакомлюсь с ним через И Чжэ.

Это тоже звучало неправильно. Сюй Танчэнь почувствовал, что его слова теряют смысл. Он не ел больше двух дней, всякие грязные мысли все это время лезли в голову. Это заставляло его терять способность нормально мыслить. Увидев, что Чэн Сюй смотрит на него с любопытством, он вздохнул и сказал:

— Неважно, все в порядке. Давай поговорим об этом позже.

Тем временем, когда И Чжэ спустился вниз, он увидел человека, о котором они говорили. Он стоял рядом с ивой и курил. Его глаза были прищурены, он смотрел на кого-то. Чжэн Икунь тоже видел И Чжэ. Он помахал ему рукой и криво улыбнулся. И Чжэ отвел взгляд в сторону и увидел, что этот человек снова сменил машину.

После того, как Сюй Танчэнь более или менее пришел в себя, И Чжэ все еще не мог изменить своей привычке суетиться вокруг него. Несмотря на то, что Сюй Танчэнь снова стал занят, и они практически не могли встречаться, он либо звонил, либо писал каждый день, напоминая Сюй Танчэню, что он должен регулярно питаться, независимо от того, насколько сильно занят.

Зимние каникулы для аспирантов начались немного позже, и на их факультете лаборатория Сюй Танчэня также была чуть ли не последней, кто ушел в отпуск. Студенты старших курсов уже давно должны были отправиться на каникулы, но И Чжэ все не уходил. Чэн Сюй посмотрел на экран телефона, который непрерывно мигал, и тихо спросил Сюй Танчэня:

— Ты не собираешься брать трубку?

Сюй Танчэнь некоторое время молча смотрел на экран, прежде чем ответить на вызов. Он ответил на напоминания И Чжэ кратко. Дав отбой, молодой человек посмотрел на экран, заполненный кодом, но обнаружил, что не может сосредоточиться, как ни старался. Курсор продолжал целеустремленно мигать. У парня даже заболела голова.

После того, как некоторые студенты кампуса один за другим ушли, типография, к которой часто ходил Сюй Танчэнь, закрыла свой магазин. Сегодня ему срочно нужно было напечатать заявление о миссии проекта, поэтому он отправился в ту, что находилась на южной стороне кампуса. Так совпало, что, когда он ждал, когда освободится принтер, то столкнулся с Лу Мином.

— Все еще здесь?

— Я не хочу об этом говорить, — сердито сказал Лу Мин, а затем продолжил. — У нас был танцевальный конкурс в этом семестре, верно? Сун Жуйчжи пришел ко мне в начале месяца и попросил сообщить подробности. Это так хлопотно.

Сун Жуйчжи был учителем, в настоящее время возглавляющим студенческий совет. Когда он занял этот пост, Сюй Танчэнь учился на 4 курсе университета и вышел из студенческого совета. Тем не менее, он немного слышал об этом учителе. По крайней мере, судя по тому, что он знал, было довольно много студентов, которые ворчали на него.

— Я сыт по горло. Когда мы организовывали конкурс, он сказал, что этот танец запрещен. Одна девушка прекрасно танцевала джаз, но он просто должен был сказать, что ее танец не очень подходящий, и что мы не можем так танцевать, когда здесь лидеры. Ты не сможешь догадаться, сколько ошибок он обнаружил у нас во время репетиции. От декораций сцены до организации программы, правил, процесса, — Лу Мин поднял руку, подняв один палец вверх, — 187. Он заставил нас записать каждое из них и исправить все замечания. В то время мне хотелось ткнуть его ручкой в лицо.

187? Даже Сюй Танчэнь был шокирован.

Лу Мин продолжал говорить:

— Проблема в том, что он тоже ничего не знал. Позволь мне спросить тебя, какие у него могут быть предложения? Возьмем в качестве примера джаз: если бы мы сделали так, как он хочет, то какого хрена мы собирались танцевать? Я сказал им танцевать в соответствии с его указаниями во время репетиции, а для настоящего выступления они должны танцевать так, как это было задумано раньше.

Брови Сюй Танчэна нахмурились.

— Разве он не отругал тебя прямо там?

— Он это сделал. Он сразу же позвал нескольких из нас и отругал нас в коридоре, — воскликнул Лу Мин. — Но он может делать все, что ему заблагорассудится. Я больше ничего не жду от студенческого совета. Когда я закончу руководить ими во второй половине года, я отвалю. Я не жду, что он скажет мне что-нибудь приятное.

Благодаря преподавателю из одной лаборатории Сюй Танчэнь понял, каково это - иметь руководителя, который причиняет неприятности ни за что. Он похлопал Лу Мина по плечу и утешил его.

— Все в порядке, быть в студенческом совете означает иметь дело с преподавателями. Он ничего тебе не сделает. Кроме того, все видели, что вы проделали хорошую работу по организации мероприятия. Это не то, что он может отнять у тебя, сказав несколько слов.

— Я тоже так думаю, вот почему я не могу беспокоиться о том, чтобы иметь с ним дело. Но мне все равно нужно сдать свой самоанализ — сказал Лу Мин, улыбнувшись.

Сюй Танчэнь подошел к принтеру, чтобы взять свои материалы, и подошел к столу, чтобы привести их в порядок.

Лу Мин внезапно повернулся и сказал:

— Кстати, мне сказали, что И Чжэ хочет уйти.

— Уйти?

— Да. Он твой младший брат, верно? Я упомянул об этом людям из отдела литературы и искусств, сказав им, чтобы они позаботились о нем. Несколько дней назад мне сказали, что И Чжэ больше не хочет оставаться в студенческом совете, он хочет уйти.

Услышав, как произносится имя И Чжэ, Сюй Танчэнь испытал чувство, отличное от прошлого. Он привел в порядок бумаги, которые держал в руках, и сложил их на столе, чтобы выровнять. Он делал это снова и снова даже спустя некоторое время.

— В чем причина, ты знаешь?

— Мм... — промычал Лу Мин и вытащил флешку. — Я расскажу тебе позже, когда мы выберемся отсюда.

На обратном пути после доставки материалов в научно-технический отдел Сюй Танчэнь продолжал думать о том, что сказал Лу Мин. Он не мог вписаться в общество? Сюй Танчэнь уже знал об этом. Но он чувствовал, что И Чжэ сейчас намного лучше, и у него не должно быть серьезных проблем. Что касается конфликтов с преподавателем, хм, он тоже должен это знать.

Добравшись до спортивной площадки, Сюй Танчэнь тяжело выдохнул. Он огляделся и выбрал место на трибуне, чтобы сесть. Он чувствовал, что заметил перемены слишком поздно — то, как И Чжэ вел себя с ним, и то, как он вел себя с другими, отличалось друг от друга. После того, как он случайно наткнулся на намерения И Чжэ, причина многих вещей, казалось, стала проясняться.

Почему он подал заявление в этот университет, почему он подал заявление на тот же курс, что и он, — внезапно у него появился ответ на эти вопросы. Он даже вспомнил, что не так давно, когда излагал свои мысли И Чжэ, тот спросил: «У тебя есть кто-нибудь, кто тебе нравится?»

Потирая тонкие пальцы, Сюй Танчэнь впервые осознал, что, как оказалось, существуют некоторые проблемы, которые можно определить как неразрешимые, как только они появляются. Независимо от того, какой линии мышления он придерживался, какой план он пытался построить, ничто не могло решить эту проблему.

Телефон снова зазвонил. Это было все то же имя, все в то же время. Сюй Танчэнь сидел тихо. Он не ответил на этот звонок. Проблема, которую невозможно было решить. Тогда лучше было этого не делать. Он увидел, как экран телефона погас. Но очень быстро снова вспыхнул ярким светом. Эта настойчивость, которая никогда не прекращалась, заставляла его почувствовать себя напуганным. Внезапно он не знал, как ему смотреть в лицо своему младшему брату, к которому он всегда был равнодушен, к которому он никогда не хотел терпеть несправедливого обращения. Теперь он, наконец, понял, насколько бессилён. Молодой человек даже не осмеливался объективно проанализировать свои собственные чувства или подумать, есть ли возможность обнять его. Он не осмеливался встретиться с ним лицом к лицу, и точно так же не осмеливался встретиться с самим собой. То, как его сердце болело за парня, то, как он был равнодушен к нему, как именно возникли эти чувства, он также не осмеливался исследовать. Потому что знал — если бы он тоже пошел по этому пути, основываясь на том, как у этого парня хватило смелости проложить свой путь вперед, для них не было бы пути назад.

<http://bllate.org/book/13101/1158700>